

Пятница 20.05.200...

14.00

Ты когда-нибудь была в пролете? Если да, то ты меня прекрасно понимаешь. А если нет — сочувствую: у тебя еще все впереди! Как говорят знающие люди, хотя бы раз в жизни такое случается с каждой. И тебе, бедняжке, еще только предстоит выслушать неожиданные слова от твоего парня и увидеть, как он старательно отворачивается, лишь бы не встречаться с тобой взглядом. И почувствовать, как человек, ближе которого не было, вдруг перебрался из твоего сердца на другую планету... Кстати, если тебя отвергнут именно так, считай, тебе повезло. При современном уровне средств связи гораздо легче «послать» надоевший предмет по «мылу» или смской... Или наговорить на автоответчик... Кому охота портить себе настроение, выслушивая упреки и ругательства в свой адрес! Ведь так удобно ограничиться парой строчек вроде: «Дорогая, прости. Я полюбил другую». Или: «Если стоишь, сядь. Я вычеркиваю твой номер из памяти». Или: «Нам было хорошо вдвоем, но тебе не кажется, что мы немного устали друг от друга?» Не станет же отвергнутая девчонка разбивать компьютер! Или топтать ногами мобильник... А если и станет, ей же хуже!

Будь уверена, твой «зайка» выберет как раз тот момент, когда ты окончательно расслабишься — в пол-

ной уверенности, что лучше, чем у вас, и быть не может. Когда глаза твои, наивная, окончательно зальет розовым сиропом, а в голове будут витать модели свадебных платьев, обручальных колец, белых лимузинов с ленточками на капоте...

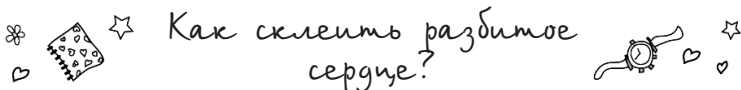
Это, так сказать, первая стадия. Вторая — промокшие от слез подушки. Количество слез у всех разное. У некоторых — много-много, целое море. А другие обходятся одним носовым платком. Но все равно, горько и обидно. Была замечательная сказка о Золушке, а какой-то придурок взял и все испортил: приделал ей финал от «Морозко» — с тобой в роли отвергнутой некрасивой сестры.

У меня все это уже позади. Я перешла к третьей стадии, которая называется «Жажда мести». Начинаешь понимать, что все парни вокруг — гады и свиньи, верить нельзя никому, а любовь — идиотская выдумка писателей и киношников, помогающая им зарабатывать на хлеб.

А теперь обо всем по порядку. Благо теперь у меня столько свободного времени, что хватит на целый роман!

Вначале о себе и Каринке.

Мы с подругой всегда были как сестры. У нас даже имена почти одинаковые: я — Марина, она — Карина. Живем в одном доме, только я — на восьмом этаже, она — на шестом. В детском саду ходили в одну группу, а в школе очутились в одном классе и даже за одной партой, хотя Каринка старше на два года — ей недавно стукнуло восемнадцать, а мне пока — шестнадцать. Наши вкусы совпадают во всем до мелочей. Мы с ней очень похожи на Монику и Рэйчел из «Друзей» — их еще играют Кортни Кокс и Дженифер Энистон, помните? Не внешне, конечно, похожи, а внут-

ренне. Даже то, что Карина после одиннадцати пошла в рост и сделалась пышной брюнеткой, а я так и осталась рыжей худенькой мышкой, нам не мешает. Мы просто смотрим на мир с разной высоты — Карина со своих 178 см, а я с жалких 154. Ведь, независимо от этого, мы совершенно одинаково балдеем от мороженого «Хоттабыч», кошек и актера Джорджа Клуни.

Чему уж тут удивляться, если мы начали встречаться с братьями! Карина со старшим, Евгением, я — с младшеньким, Петюней.

И уж совсем нет ничего странного в том, что в ту черную пятницу мы обе оказались брошенными. Да-да, наши приятели, словно сговорившись, выбрали для своих гадких откровений именно этот день!

Мы как раз готовились к поездке в Питер. Путешествие представлялось нам невероятно романтичным. Только вообразите — в пятницу вечером две влюбленные пары тайком мчатся на машине из одной столицы в другую, чтобы провести вместе незабываемые выходные и вернуться в воскресенье, до приезда предков. Позади — скучная московская жизнь с бесконечными «нельзя», впереди — свобода, любовь и «можно все»! Родители с легкостью проглотили заготовленные нами легенды о том, что мы отправляемся с классом на экскурсию, и не было на свете силы, которая могла бы нам помешать.

Вернее, такая сила была, но мы совершенно забыли о ее существовании. Называлась она — Судьба. Вот что вмешалось в нашу жизнь как раз в тот самый момент, когда я безуспешно пыталась затолкать в плотно набитый рюкзак маникюрный набор.

Сообщение на мобильник пришло, когда набор почти уместился в маленьком боковом кармашке.

Это был Петюня. Вернее, не он, а его смска.

«Поездка отменяется, — прочитала я. — Так же, как и все остальное. Извини, но мы с тобой совершенно разные люди. Нам нужен перерыв, чтобы все обдумать и разобраться в своих чувствах. Я только сегодня это понял, поэтому не сказал раньше».

Мне пришлось перечитать злосчастное сообщение дважды, прежде чем я осознала...

Меня бросили! Кинули! Предали!! Я — в пролете!!!

В сердце словно воткнули раскаленный прут. Я не могла даже вздохнуть и пошевелиться, так и стояла, как дура, с маникюрным набором в левой руке и трубкой — в правой. Наверное, долго стояла, потому что новости по ящику закончились, и предки снова вернулись к жизни.

— Что случилось? Кто это? — крикнула из кухни мама.

— Никто, — ответила я, глотая слезы. — Никто!

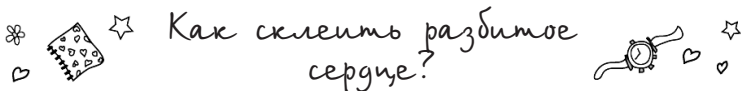
Ножницы, щипчики и пилочки полетели на пол, а я трясущейся рукой принялась набирать Петюнин номер. Однако все его телефоны молчали. Неужели прячется от меня?! Тогда эта мысль показалась дикой, но уже через полчаса безуспешных попыток пришлось смириться с жестокой реальностью — мне дали отлуп, причем безжалостный и окончательный. Да еще и унижительный к тому же — по телефону, чтобы избежать ненужных сцен... Трус! Слабак! Предатель!

Размахнувшись, я с силой швырнула мобильник в стену. Петюне очень повезло, что передо мной не было его физиономии, иначе телефон отпечатался бы на ней...

— У тебя что-то разбилось? — снова крикнула мама.

— Да... Да! — всхлипнула я.

— Что-нибудь ценное?

— Мое сердце! — прошептала я, давясь слезами.

Спаси меня могла только рассудительная, невозмутимая, практичная Каринка. Из последних сил сдерживая рыдания, я бросилась к ней — только для того, чтобы увидеть, как моя уравновешенная, неунывающая подруга рвет на мелкие кусочки фотографию Евгена, ругаясь при этом такими словами, которые вогнали бы в краску даже нашего сантехника.

Мир рухнул. Я стояла, тупо смотрела на разлетающиеся по комнате обрывки и слушала ее выразительную брань.

— Значит, ты тоже?! — всхлипнув, пробормотала я.

— Что значит — тоже? — Любимая подруга уставилась на меня злыми мокрыми глазами. Прочувствовав, наконец, что произошло, мы заревели в четыре ручья, а потом сели на диван и обнялись — две безутешные сестрички, попавшие в беду.

— Он тебе сам сказал? — рыдала я, орошая плечо Карины потоками слез.

— Не-а. Сообщение «отмылил», — всхлипнула в ответ подруга.

— А мой на мобильник смску прислал! — Слезы хлынули с новой силой на новую блузку подругину. — Интересно, почему они нас бросили?

— Наверное, каких-то новых нашли, — высказала предположение Каринка. — По крайней мере, мой — точно. Вернее, теперь уже не мой. — Она жалобно вздохнула и вытерла слезы. — Короче, в последнее время он начал усиленно переписываться с какой-то Катей. И мне кажется, я ее однажды видела... Девица с фотомодельной внешностью, ноги до подбородка! Она приходила болеть за него на теннис. Он сказал, что это его фанатка!

Я снова залилась слезами, представив, что и мне

перебежали дорогу ноги до подбородка. Как с такими конкурировать, не представляю!

— Вот гады, а? — воскликнула Карина, с такой силой пнув рюкзак, что там что-то звякнуло.

— Гады, — согласилась я, сморкаясь в последнюю сухую салфетку. — А что это было в рюкзаке?

— Лосьон. Хотела подарить этой свинье на память о нашем путешествии. Трусы!

— Трусы, — вздохнула я, выбирая, какая из использованных салфеток посуше. — А что за лосьон?

— От прыщей и угрей.

— А у Евгена прыщи?

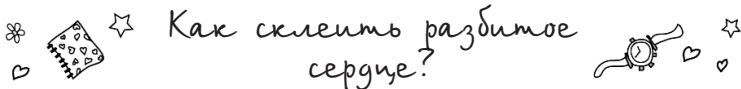
— Пока нет. Но теперь будут! Даже не соизволил объясниться лично!

— И Петюня не соизволил! — вздохнула я.

— Лучше бы я лосьон тебе подарила, честное слово... Или себе оставила... И блузку можно было не покупать, только зря пришлось все карманные за июнь грохнуть... Ой! — воскликнула вдруг Каринка, вскакивая и бросаясь к рюкзаку. — Как же я не сообразила! У меня же рядом с лосьоном Плюшка упакован!

Плюшка — это любимая Каринкина игрушка, плюшевый мишка. Сколько помню подругу, она никогда с ним не расставалась. Плюшка сопровождал ее и в школе, и в летнем лагере, и даже во всех заграничных поездках, куда Каринку брали родители. Подружка берегла свой талисман пуще глаза, тряслась над ним, как над сокровищем, и вот теперь — на тебе, что за напасть! Выуженный из рюкзака любимец оказался безнадежно испорченным. По белой мягкой шкурке растеклись красные разводы, мишка благоухал, как аптека, в которой проводились соревнования по стрельбе.

— Ну вот уж этого я Евгению никогда не прощу! — взвилась Каринка, выжимая Плюшку прямо на ко-

вер. — Как я теперь с ним спать буду? Я имею в виду мишку, а не Евгена.

— Стой! Не выжимай! — заорала я, выхватывая медвежонка. — Нечего добру пропадать! Подумай лучше о прыщах! — И я быстро протерла Плюшкой лицо.

— Я и так все время о них думаю! Эй, мне оставь, это все-таки мой медведь!

Каринка тоже как следует протерлась медвежонком, и мы пошли в ванную. С трудом пристраивая отстиранного мишку на сушилку, мы снова в один голос заревели, потому что увидели в зеркале две красные, как свеклы, физиономии с семью прыщами на двоих. Только и надежда, что «умывание» Плюшкой нам поможет.

— А что бы ты своему сказала, если бы встретила? — спросила я у Карины, поплескав на лицо водой.

Зареванные глаза подружки загорелись, она шмыгнула распухшим носом и осипшим голосом изрекла:

— Я бы ничего не стала ему говорить! Просто плюнула бы на него, и все.

— В прямом смысле или в переносном? — ужаснулась я.

— И в том, и в другом, — отрезала Каринка. — Плюнула бы ему прямо на рубашку! Или на самые лучшие ботинки...

— Правильно! И я бы на своего плюнула! Лучше всего — жвачкой, на те три волосинки, которые он называет прической...

— А потом я записала бы целый диск своих песен и заплатила бы его соседям за то, чтобы они включали этот CD на полную мощность, когда уходят на работу, — вошла во вкус Каринка. — Он ненавидит мою музыку!

— Точно! А я бы заплатила соседям Петюни, чтобы

они начали ремонт! Он терпеть не может шум. У него от этого руки трясутся.

— Правильно! А еще я бы написала ему на лбу несмываемым маркером: «Чемпион среди уродов!»

— А я бы сделала у него на руке татуировку: «Ненавижу девчонок!»

«Разминка» оказалось полезной — мы отвлеклись от горьких мыслей, посмеялись. Так на смену обиде и отчаянию пришла жажда мести...

— Я знаю, что надо делать! — воскликнула Карина, размахивая перед моим носом связкой ключей.

Я пока еще ничего не понимала, и тогда подруга, воинственно сверкая глазами, изложила свою идею:

— Мы угоним Евгенову тачку — заявила она, — и поедem в Питер сами!

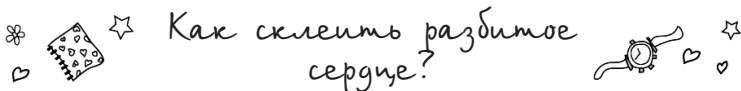
15.00

План был — просто супер! У меня даже дыхание перехватило от такой перспективы. Чем дольше я обдумывала Каринкино предложение, тем больше оно мне нравилось — это будет отличный способ убить не двух, а сразу нескольких зайцев (обожаю зайцев и ненавижу эту поговорку, но в данном случае она очень подходит). И как это подруга додумалась до такого? Хотя осознание того, что тебя бросили, любого заставит шевелить мозгами!

Итак, Каринкин план помогал нам:

1. Классно отомстить парням — пусть знают, что мы и без них не пропадем!

2. Несмотря ни на что, съездить в Питер — а я, между прочим, ни разу в жизни там не была и давно мечтаю!

Как склеить разбитое сердце?

3. Хотя немного отдохнуть от предков — они уже настроены, что мы уедем, вот мы и уедем!

4. Попрактиковаться в вождении машины — ясно, что обычным способом разрешения не допроситься раньше восемнадцати — не часов, а лет.

5. Не распаковывать рюкзаки — после долгих мучительных сборов это было бы просто издевательством.

Перебирая в уме все эти преимущества, я почти забыла о предательстве Петюни. Во всяком случае, плакать мне больше не хотелось.

— Только мы должны дать друг другу обет, — предупредила Каринка.

— Какой? — воодушевленная тем, что нам предстояло, я была готова на все.

— Никаких парней! — строго сказала Каринка.

— Никаких парней, — согласилась я: в данной ситуации это было совсем нетрудно!

— Никаких мобильных! — продолжала загибать пальцы подруга.

— Никаких мобильных... Кстати, у меня его уже и нет. О стенку расколошматила.

— А я свой два дня найти не могу. Так что вопрос отпадает сам собой... Никакой косметики!

— А это еще почему?

— Нечего ради них прихорашиваться!

— А если не ради них?

— А для кого же?

— Ну... ради самих себя.

— Знаешь, ты мне и ненакрашенная нравишься...

— Ты мне тоже!

— Ну вот! Значит, никакой косметики! — отрезала Каринка, и я опять согласилась. В конце концов, какая

разница, с макияжем или без — я ведь и в самом деле красилась ради Петюни.

После первых минут эйфории я немного отрезвела и поинтересовалась, как подруга представляет себе техническую сторону дела. Но Каринка вдруг погрузилась в свои мысли, поэтому пришлось взять инициативу на себя.

— Если мы собираемся вскрывать дверь, нам нужен ломик или что-то в этом духе, — начала фантазировать я. — Или поискать автоген? В газетах всегда пишут: «Дверь машины была вскрыта автогеном». Ты сразу скажи, что надо, а то у отца в кладовке можно неделю ковыряться и ничего не найти. И еще учти — я ни с какими инструментами обращаться не умею, а что касается автогена... даже не знаю, как он выглядит.

— А тебе и не надо! — остановила меня Каринка. Глаза ее прояснились, и я вздохнула с облегчением — кажется, она что-то придумала!

Так и было. Подружка снова показала мне загадочные ключи.

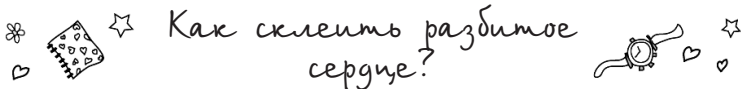
— Видела? От Евгеновой тачки, — сообщила она. — Забыл их у меня позавчера. Наверное, и сам еще не знает. Думала, отдам ему сегодня, а теперь — фигли он их получит! Пусть еще пару дней поищет!

Ура! Автоген не понадобится — с техникой у меня всегда были нелады. А вот Каринка сама забивает гвозди, чинит пылесос и электрогитары своих предков.

Я бросилась ей на шею, но она быстро прекратила несвоевременные нежности.

— Некогда целоваться! Дуй за рюкзаком! Встречаемся через пять минут у подъезда!

— А мы что, к Евгению в Бибирево на метро поедем? — ужаснулась я. Предвкушая поездку на машине,

я запихнула в рюкзак половину своего и маминого гардероба.

— На каком метро?! — сердито уставилась на меня «командирша». — Евгенова «шестерка» с позавчерашнего вечера под нашими окнами болтается, ты что, не заметила?

— А разве он от тебя не на ней уехал? — удивилась я.

— Без ключей? — Каринка насмешливо покрутила пальцем у виска, а потом бесцеремонно вытолкала меня за дверь. — Чтобы через пять минут вернулась!

Уходя, я почти смирилась с тем, что оказалась в пролете. Подруге удалось сотворить то, ради чего я приходила, — боль в сердце отпустила, и я могла жить дальше. Похоже, и Карине полегчало — она проводила меня слабой улыбкой, а ее щеки уже не блестели от слез.

15.30

Хорошо, что предки у меня не зануды — не стали доставать вопросами. Хотя могли бы, они ведь журналисты... «Шнурки» тактично оставили дочь в покое, совершенно не интересуясь, почему это она вначале убежала вся в слезах, а потом вернулась и теперь ползает по полу, заглядывая в грязные углы, — я вдруг с ужасом вспомнила, что так и не положила в рюкзак маникюрный набор, и все из-за Петюни! Мысли о вероломном очкарике вызвали новый приступ рева — и это было совсем ни к чему, потому что любимая пилка куда-то запропастилась, а слезы мешали ее искать.

— Ты узнала что-то неприятное о предстоящей поездке? — отважилась наконец спросить мама.

— Да, — кивнула я, наклоняясь пониже — мне показалось, что далеко под диваном что-то блестит. — Отменили экскурсию в Русский музей, и я не увижу своего любимого художника... Я имею в виду Куинджи и его картину «Вечер на Украине». Не знаю, смогу ли я это пережи-и-ить...

— Обидно, — согласился папа. — Я бы тоже переживал. Куинджи стоит посмотреть.

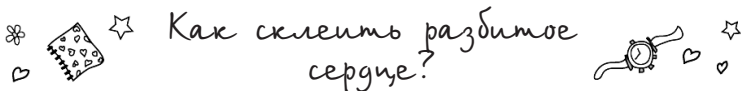
— Может, тебе не ехать, раз такое дело? — предложила мама. — А летом махнем в Питер все вместе, побудем подольше! Насмотришься на своего Куинджи так, что он тебе снится будет.

— Нет! — выкрикнула я. — Я хочу сейчас поехать! Обойдусь и без Куинджи...

Мама ушла, а я вытащила пыльный клубок шерсти с воткнутыми в него спицами — именно они и блестели под диваном. Надо же! Похоже, все это валялось там аж с пятого класса, когда я начала вязать шарфик. Со вздохом я зашвырнула клубок обратно. А потом подняла глаза и увидела на подоконнике Петюнины очки. Кровь прилила к голове, щекам стало жарко, я схватила очки, бросила на пол и принялась топтать, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе, вот тебе, вот тебе!

Попрыгав на очках, я немного успокоилась. А когда загоняла осколки под ковер, обнаружила наконец разбросанные маникюрные инструменты. Рядом валялось розовое бикини — все эти дни я никак не могла решить, брать его с собой или нет: все-таки весной в Питере еще холодно, — поэтому раз пять засовывала его в рюкзак и вытаскивала обратно. Теперь же, воодушевленная на самые отважные подвиги, я все же запихнула купальник в рюкзак. Гулять так гулять! Купаться так купаться! Отрываться — так на полную!

Рюкзачок оказался тот еще. Родители, взгромождая его на меня, дружно кряхтели, озабоченно вопрошая, не подогнать ли грузовик и не нанять ли грузчиков.

На прощание папа поцеловал меня в щеку и шепнул:

— Не расстраивайся, Мышонок! Если не попадешь в Русский, мы с тобой в Третьяковку сходим. Там ведь тоже неплохой Куинджи.

Потом я обняла маму и побыстрее рванула к двери.

Последнее, что я услышала перед тем, как хлопнуть ее, был разговор родителей:

— Катя, куда мы едем в эти выходные?

— Куда-то в область. Освещать открытие нового пансионата, ты что, забыл?

— Да... Забыл... Кстати, а ты не видела мои новые очки?

Когда я вышла из подъезда, Каринка ковырялась в замке багажника Евгеновой машины, безуспешно пытаясь его открыть. Хотя ключ и проворачивался, крышка никак не откидывалась.

— Как будто что-то держит ее изнутри, — жаловалась покрасневшая от натуги Каринка, — или она зацепилась!

— Да брось ты его! — я нервничала, мне казалось, что наша активность вокруг чужой машины уже привлекла внимание всего двора. — Закинем вещи наверх, и дело с концом.

Каринка со вздохом согласилась.

— Я знаю, кто виноват, — буркнула она. — Мелкий, Вовик. Я видела в окно, как он возле машины возился. Наверное, испортил что-нибудь.

Это было похоже на правду. Одиннадцатилетний

Каринкин брат Вовик отличался на редкость зловредным характером.

Закинуть рюкзаки и Каринкину гитару на верхний багажник оказалось очень даже непросто. Особенно мой. Вот когда я пожалела, что не послушалась предков! Надо было все-все-все лишнее оттуда выкинуть, а оставить разве что розовое бикини и маникюрный набор.

— Ты что, кирпичей туда насовала? — ругалась любимая подруга. — Или гантели прихватила?

— Нет, только телевизор, DVDшник и компьютер! — огрызалась я. — У тебя и у самой сумочка не намного легче. И гитарка твоя тоже, между прочим, не перышко!

— Я-то свое по своим нуждам собирала. А вот ты на кого рассчитывала?

— Сама знаешь! — снова огрызнулась я. — Я же не знала, что окажусь в полете.

— Вот и я не знала.

Душевный разговор о парнях примирил нас и помог закончить работу.

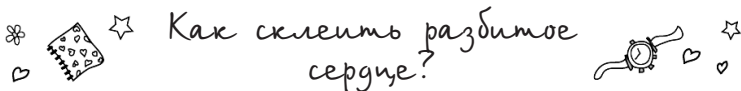
— Да уж, гады они, что и говорить! — объявила Каринка, усаживая Плюшку около заднего стекла. Затем она уселась в водительское кресло и со словами «Поехали!» завела двигатель.

— Ты водить-то умеешь? — с опаской поинтересовалась я.

— А как же! Вот права, посмотри, — Каринка протянула мне пластиковую карточку.

— Да что мне эта бумажка, у кого ее сейчас нет, главное, умеешь ли ты водить?

— А ты сомневаешься? — оскорбилась подруга. — Между прочим, мне на экзамене сказали, что у меня

потрясающая реакция! Это когда я чуть на голубя не наехала и успела затормозить.

— А голубь? — спросила я. — С ним что стало?

— Ничего. Он улетел.

— Так, может, это у него реакция потрясающая? — хмыкнула я. — Ладно, нечего поедать меня глазами. Лучше на дороге смотри. А то вдруг реакция подведет или пешеход попадет медлительный.

16.00

Ура! Мы сделали это! Мы утнали машину Евгена и теперь мчимся на бордовой «шестерке» по Ленинградскому шоссе в сторону Питера! Хотя, конечно, слово «мчимся» едва ли подходит для движения со скоростью десять километров в час. Я сижу на переднем сиденье рядом с Каринкой, на коленях — листок бумаги. Подруга-«чайник» попросила не отвлекать ее разговорами, и я решила воспользоваться моментом и быстренько написать то, что давно хотела, — чем еще заниматься в пробке? Правда, машина движется рывками и строчки прыгают перед глазами, но я боюсь, что другого времени просто не будет, — все-таки мы едем на встречу Приключению.

— Пешком было бы быстрее, — ворчит Каринка, одной рукой вцепившись в руль, другой — в рычаг коробки передач. Но чего можно ожидать от водителя, получившего права три недели тому назад, в день своего восемнадцатилетия! Ясно, что для нее наша поездка — боевое крещение, а пробка — просто экстрим. И не только для нее, но и для меня тоже, а также для всех окрестных голубей и пешеходов, рискующих попасться на нашем пути.

Я говорю «угу» и продолжаю писать — подобные реплики не требуют ответа.

— Черт бы побрал этих дачников! И что им дома не сидится! — снова повышает голос Каринка, напряженно глядя перед собой.

— Угу, — снова кивнула я и подумала, что все водители одинаковы — и мой отец брюзжит за рулем, и Евгений, Каринкин бывший парень, — он однажды катал нас по Москве.

— А ты куда прешься, «металлика»! Вот гадина! Чуть крыло не зацепила. Да ладно, не бибикай, все равно не пущу! — неистовствует подруга.

— Угу!

— Слушай, сколько можно — «угу» да «угу»! Ты всем как мама, когда я рассказываю ей о своих школьных делах, — обиделась Каринка.

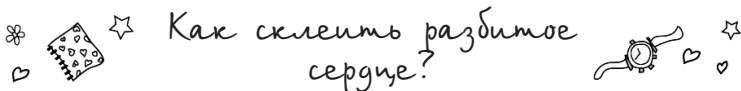
— Угу, — рассеянно кивнула я. — Кстати, а что ты наплела своей маме по поводу зареванных глаз?

— Она даже не заметила. Разучивает новую песню. У них на выходных выступление какое-то планируется.

Неожиданный рывок кинул меня вперед так, что я повисла на ремне безопасности и выпустила листок из рук. Хорошо, что подруга уговорила меня пристегнуться!

— Ну вот! — Каринка в досаде стукнула по рулю. — Чуть «черному» в зад не въехала! Все, встали. Долбаный бензовоз дорогу перегородил. Еще долго стоим! Пока его оттащат... А что это ты, собственно, пишешь? Нам сочинение вроде не задавали. — Моя молчаливость достала-таки ее, и я поняла, что пора колотиться.

— Что пишу? В данный момент — «Манифест Брошенных Девчонок». Ну, тот, что мы у тебя придумали перед тем, как на дело идти!

— Это тот, где «никаких парней?»
— Ага! И «никаких мобильных».
— Слушай! У Евгена в бардачке есть черный маркер, напиши все это поярче и прикрепи к стеклу! Чтобы было перед глазами.

Через минуту рядом с талоном техосмотра болталась страничка с корявыми буквами:

Манифест Брошенных Девчонок

Никаких парней! Особенно высоких brunetов по имени Евген и Петюня.

Никакой помощи парням — они этого недостойны!

Никакой косметики! Всегда оставаться самой собой!

Никаких мобильных!

Нас не догонят!

— Кайф! — вздохнула Каринка. — Перечитаешь — и легче на душе становится! Все-таки печатное слово — великая сила.

Машины сзади гудели: пока мы болтали, бензовоз уже оттащили, и движение возобновилось.

«Шестерка» тронулась. Каринка вставила в магнитолах кассету, и меня переключило: это были ее песни — а я их просто ненавижу! И не я одна — от них не в восторге ни ее предки (а они все-таки весьма продвинутые рок-музыканты), ни Евген, ни остальные...

Воспоминания о недавнем прошлом опять навеяли грусть.

Вообще-то, когда мы познакомились с нашими теперь уже бывшими, ничто не предвещало, что все закончится так плохо. Наоборот, казалось, что эти отношения перерастут во что-то серьезное. Посудите сами:

знакомства с парнями состоялись почти одновременно, но в разных местах. А позже выяснилось, что ребята — братья! Столько совпадений — разве это не к добру? Оказалось, нет.

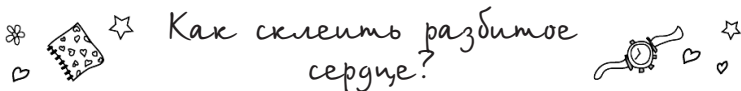
Подруга познакомилась с Евгеном на вечеринке, после концерта ее родителей. Начинающий журналист собирался взять интервью у Каринкиного папаши, но вместо этого ему на глаза попала дочка, в итоге до папаши он так и не добрался, зато добился согласия Каринки встретиться на следующий день. Их роман развивался так же бурно и стремительно, как начался, и вскоре парочке казалось, что они знакомы уже много лет и просто созданы друг для друга.

У нас с Петюней все было совершенно по-другому. Мы познакомились в библиотеке, когда я пришла туда сделать ксерокопию. Петюня сидел в читальном зале, но смотрел не в книжку, а только на меня. А когда я собралась уходить, он вдруг вскочил и бросился следом. Мне было интересно, что он скажет, но парень молчал, только семенил за мной, все еще сжимая в руке книгу. У метро я сжалилась и спросила:

— И часто ты крадешь книги?

Он икнул и покраснел, но в библиотеку не вернулся. Вместо этого он проводил меня до дома, а потом мы стали встречаться. Книгу он так и не вернул! До сих пор она стояла у него на полке, на самом видном месте, напоминая о дне нашего знакомства. Интересно, что он сделает с ней теперь? Может быть, все-таки отнесет в библиотеку?

Хоть они с Евгеном и братья, больших противоположностей не придумать. Евгений был шумным, чумовым заводилой, а Петюня — тихим, застенчивым скромником. Одно слово — историк! Он словно возник из своих архивных книжек — абсолютно несовременный,

мечтательный, медлительный, и даже ухаживал, как в позапрошлом веке: с цветами, свиданиями у фонтана, стихами при луне... Никогда бы не подумала, что такой меня бросит! И все-таки это факт — я в полете, а мой тихий милый очкарик оказался жестоким эгоистом и уже стал прошлым...

19.00

Мы в пути уже три часа. Солнце падает за горизонт, от его длинных вечерних лучей больше достается Каринке — она все время ворчит: ей в левый глаз бьет слишком яркий свет и мешает вести машину. А я посмеиваюсь про себя и наслаждаюсь — в занавешенной смогом Москве не увидишь такой красоты. И воздуха такого не найдешь — чистые, свежие струи вливаются в открытые окна, выдувая прочь запах бензина и пропитанного лосьоном Плюшки. Мне кажется, я даже различаю другие ароматы — леса, свежей луговой травы, первых цветов. А когда деревья подступают к самой дороге, до нас доносятся голоса птиц! На душе легко и радостно — все беды остались позади, в душном скучном городе. Еще раз убеждаюсь, что Каринкина идея была просто супер! Не знаю, что будет, когда мы вернемся, но пока что наше Приключение словно переключило жизнь на другой канал. Там шел бесконечный, нудный, надрывный сериал, а тут — что-то вроде «Фабрики звезд», или «Последнего героя», или даже КВНа!

Все это время мы четко выполняли нашу программу и ни разу не отступили от манифеста. А ведь за три часа много чего произошло, искушений хватало! На дороге было полно голосующих, но мы с Каринкой —

стойкие оловянные солдатики — не дрогнули и подвозили только тех, кто нам нравился. Естественно — бесплатно! Все-таки люди подвергали свою жизнь опасности, путешествуя с таким неопытным водителем, как Каринка. Правда, они об этом не знали, но было бы полным свинством еще и деньги с них брать.

Вначале нам попались две девчонки-рекламщицы, одетые, как огромные красные кружки «Нескафе». Они еле влезли в машину и долго охали, устраиваясь поудобнее в своей дурацкой одежде.

— А почему это вы в такой глуши кофе рекламируете? — поинтересовалась Каринка.

— А нам было в лом в Москве сидеть в такую жару. Вот мы и рванули к бабуле в деревню, автостопом. Начальство все равно не узнает! А пакетики в деревне старушкам раздадим, им на целый год хватит.

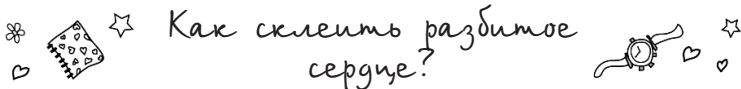
— А отчего в такой одежде? — Каринка кивнула на ярко-красные дутые «кружки». Из прорезей в их «стенках» торчали руки и ноги рекламщиц. — Можно ж было снять, если уж начальство не узнает!

— А у нас под этим ничего нет, — сообщили девчонки. — Только купальники. Жарко ведь! И душно, ужас как. Пота по полведра за день, вытекает. Мы платья в офисе оставляем, а в купальниках не особенно то проголосуешь! Не так поймут...

Потом была старушка с корзинами редиски и щавеля — мы ее высадили у большого придорожного рынка, за что она подарила нам несколько пучков своего товара.

Следующей пассажиркой стала женщина с козленком, мы доставили ее до ветеринарной станции.

— На прививки едем, — объяснила хозяйка, с трудом заталкивая упирающееся животное на заднее сиденье. — Против коровьего бешенства.

— А разве оно на козлов действует? — удивилась Каринка.

— Еще как! И на козлов, и на коров, и на людей.

Козленок так нервничал, что всю дорогу отчаянно блеял, забывая Каринкины песни. Пришлось скормить ему часть бабулиной редиски со щавелем — только тогда он успокоился. Но когда, высадив парочку около ветеринарной станции, мы отъехали на приличное расстояние, выяснилось, что козлик нагадил на пол. Вначале мы были просто счастливы — так Евгеновой машине и надо! — но потом пришлось за ним убирать, и это было уже не так весело...

— Надо было захватить резиновые перчатки, — брюзжала Каринка. — И освежитель воздуха!

— Тогда уж лучше биотуалет!

— А ты думаешь, козленок сумел бы им воспользоваться?

— Не ему, так хоть нам бы пригодился.

Вот когда мы пожалели, что оставили дома духи. Сколько ни оттирай место козленкова преступления — вонь не исчезает. Даже пахучий Плюшка не смог перебить этот запах.

— Ладно, садимся, поехали, — скомандовала Каринка. — Само собой выветрится.

Однако на этом сюрпризы не кончились — что и неудивительно для такого сумасшедшего дня.

20.00

Машина мчалась вперед по пустынному шоссе со скоростью 100 километров в час. После долгих споров о том, что поставить в магнитоле, мы пришли к компромиссу и теперь обе слушали радио. Разговор сам

собой утих, я обнялась с Плюшкой, свернулась калачиком на заднем сиденье и незаметно заснула. Сон про Петюню был очень даже неплох. Я опрыскивала свой лимон на окне, и вдруг оказалось, что на лимоне сидит крошечный паразит — Петюня. От брызг моего пульверизатора он сморщивается, отваливается и падает куда-то на пол, в пыль, и больше я его не вижу...

Проснувшись, я не сразу поняла, что лежу между сиденьями, и кто-то сильно дергает меня за ногу. Машина стояла. А моя нога была в руках Каринки.

— Вылезай! Да вылезай же! — торопила меня подруга.

— Я не могу! — сообщила ей я.

— Почему?

— Ты меня за ногу держишь!

Каринка отпустила мою ногу, и я смогла наконец выбраться наружу.

Солнце коснулось верхушек деревьев, длинные тени закрыли шоссе, стало прохладно.

— А что случилось-то? Почему стоим?

— Бензин кончился, — сообщила Каринка.

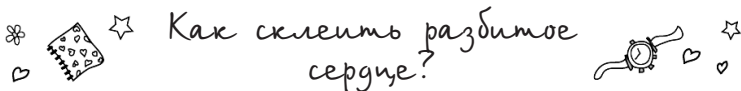
Та-а-ак! Я огляделась. Мы были одни посреди пустынного шоссе. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался глухой лес — ни домика, ни машины, ни человека.

— И что делать? — Я с надеждой посмотрела на Каринку. Подружка не раз демонстрировала свои способности в умении находить выход из безвыходных положений, но на этот раз, похоже, талант изменил ей.

— Будем ждать, — пожалала она плечами.

— Чего?

— Пока кто-нибудь не проедет. Тогда попросим отлить нам бензина или отбуксировать до заправки.

— На пустом шоссе? В пятистах километрах от дома?

— В трехстах, — поправила меня подруга. — А что ты предлагаешь?

— Ну, я не знаю... А есть другие варианты?

— Толкать машину самим.

— И далеко?

— Не исключено, что до Питера! Я не знаю, где здесь заправки.

И тут мне в голову пришла одна мысль.

— Слушай... А если, когда мы будем голосовать, остановятся какие-нибудь парни? Мы примем их помощь или нет? — спросила я у Каринки.

— Нет! — решительно отрезала моя непримиримая подруга.

— А может, сделаем исключение? Все-таки у нас экстремальная ситуация.

— Экстремальная ситуация — это когда ты доверяешь парню, а он тебя бросает!

— А если это дедушка будет или взрослый мужчина?

— Ты думаешь, если у него волосы седые, внутри что-нибудь изменилось?

Пришлось смириться. Мы с Каринкой немного постояли на дороге, потом сели на обочину, затем расстелили куртки и легли. И почему это за рулем так мало женщин? Среди водителей, остановившихся возле нас, не оказалось ни одной автоледи.

Как назло, мне вдруг ужасно захотелось есть. Я порылась по карманам — ничего, только обертка от жвачки. И как это мы не подумали о еде? Надо было взять из дома или купить что-нибудь, пока было можно.

И тут я вспомнила о щавеле. Желание набить рот

кислой травкой было так велико, что я ринулась к машине, как ошпаренная.

— Ты куда? — крикнула мне вслед Каринка.

— Я сейчас! — бросила я на ходу.

Впоследствии мне было очень стыдно за то, что я проявила себя такой эгоисткой и не подумала о подруге, но в тот момент меня занимало только одно: щавель — это тоже еда! Причем довольно вкусная...

Еще через несколько мгновений я оценила, какое это счастье — быть кроликом. Схватив пучок, я спряталась на заднем сиденье. Щавель почти не завял: свежие сочные листья приятно хрустели на зубах — видела бы мама, сколько немых овощей я проглотила! Или щавель — это фрукт? По-моему, мы на уроках биологии его не проходили.

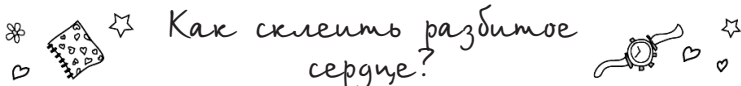
Двух пучков оказалось мало — и зачем только мы скормили так много противному козленку? Перевод ценного продукта, с учетом того, как он нас отблагодарил.

Повторяю, эти эгоистические мысли можно объяснить исключительно моим волчьим аппетитом. В остальное время я веду себя иначе: исправно делюсь пищей с голубями, котятками, собаками и друзьями. Неудивительно, что, когда я наелась, муки голода сменились муками совести.

Едва лишь последний листик был мной уничтожен, как в машину залезла Каринка.

— Ты там не заснула? — поинтересовалась она, хлопывая дверью. — Просыпайся, сейчас поедем!

Я подняла голову — впереди маячила красная «девятка». Она-то и доставила нас на буксире к бензозаправке.

Как склеить разбитое сердце?

21.00

Чудеса начались, когда бак был почти залит. Мы стояли поодаль, наблюдая, как стрекочет счетчик. Но не успел он высветить последние цифры, как наша машина вдруг ожила и взбесилась.

— Откройте! — заверещала она тонким визгливым голосом. — Выпустите меня!

— Господи, что это?! — мы с Каринкой схватились друг за друга. Парень с заправочным «пистолетом», остолбенев, молча переводил испуганный взгляд с тачки на нас.

Потом изнутри послышались глухие удары, машина задрожала и, тихо тронувшись с места, медленно-медленно покатила. Парень едва успел отскочить, проливая на асфальт бензин. Бросив «пистолет», бедолага метнулся к нам, и теперь уже мы втроем стояли и смотрели, как «шестерка», набирая скорость, катится в нашу сторону. Это было похоже на фильм ужасов, когда машина без водителя вдруг оживает и, озверев, начинает преследовать людей. Я как раз недавно смотрела такой — там все виды транспорта вдруг сошли с ума и принялись давить народ на бензоколонке. Кошмарное зрелище! А кровищи-то сколько было, ужас!

— Надо ее остановить! — прошептала Каринка, прячась за меня.

— Аг-г-а, — согласилась я, прячась, в свою очередь, за спину парня.

— У меня не получится! — взвыл тот и отпрыгнул в сторону.

Мы метнулись в другую, и как раз вовремя — машина бесшумно пронеслась мимо, врезалась в ограждение и замерла. Некоторое время все стояли и смотрели, что же будет дальше. Но ничего не происходило,